

УДК 930.2(47)''1533/1541''(045)

*А.Е. Жуков***К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ
ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ (1533–1541 гг.)**

В статье рассматривается заключительная часть Воскресенской летописи, содержащая известия за 7042–7049 (1533–1541) гг. Данный отрывок является одним из основных источников по истории России 30-х гг. XVI в., имеет важное значение для изучения правления Елены Глинской и последовавшего за ним боярского правления. Текст неоднократно становился предметом изучения в историографии. Исследователями рассматривались отдельные известия, представленные на рассматриваемом хронологическом промежутке, однако попыток изучить текст за 1533–1541 гг. как единое целое не предпринималось. Текстологическое изучение заключительной части Воскресенской летописи, ее сопоставление с другими памятниками русского летописания, позволило автору по-новому осветить историю рассматриваемого отрывка и сформулировать перспективы для дальнейшего ее изучения. Прежде всего, фрагмент за 1533–1541 гг., начиная с известия о смерти Василия III формировался отдельно от основного текста Воскресенской летописи. Кроме того, повествование создавалось в несколько этапов. Над текстом в разное время могли вести работу разные люди. В заключение, автор формулирует ряд суждений относительно авторства текста за 1533–1541 гг. Заключительная часть Воскресенской летописи является официальным летописцем 30-х гг. XVI в. В его создании могли участвовать самые разные лица, принадлежащие к кругам московской элиты. Однако лишь один институт мог обеспечить непрерывность работ над созданием летописей. Этим институтом, по мнению исследователя, являлась сильная великокняжеская власть.

Ключевые слова: Воскресенская летопись, боярское правление, Елена Глинская, Летописец начала царства, летописание, удельные князья, регентство, аристократия, историография.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-160-168

Для изучения событий российской истории 30–40-х гг. XVI в. особую ценность представляет Воскресенская летопись, а точнее – ее заключительная часть, содержащая известия за 7042–7049 (1533–1541) гг. (со статьи о смерти великого князя Василия III до повести о походе крымского хана Сафа Гирея на Москву). Наряду с «Летописцем начала царства» данный отрывок является основным источником по истории правления Елены Глинской и последовавшего за ним боярского правления. Фактически два указанных произведения заложили базовые представления об политических процессах, происходивших в 30-е гг. XVI в. В отличие от «Летописца», созданного в 50-е гг. XVI в. [5, с. 87], заключительная часть Воскресенской летописи современна описываемым в ней событиям. Вместе с тем в историографии не предпринималось попыток дать источниковедческую характеристику рассматриваемого отрывка, изучив историю формирования его текста, а также проанализировав особенности изложения исторического материала в нем. В настоящей статье мы попытаемся восполнить данную лауну.

Прежде всего, необходимо определить, является ли отрывок за 7042–7049 (1533–1541) гг. дополнением к Воскресенской летописи, созданным после завершения основного текста? В последней в ряде списков помещено три оглавления. Основным является третье, на 70 глав. Второе оглавление содержит 62 главы. Оно является дополнительным и отражает указания на те сообщения, которые не были учтены в третьем. Наконец, первое оглавление не имеет отношения к самой Воскресенской летописи и раскрывает содержание статей, предваряющих ее текст [8, с. 218–231]. Опираясь на данные этих оглавлений, А. А. Шахматов выделил три редакции рассматриваемого памятника. Первая, по его мнению, содержала 63 главы и доходила до 1533 г. Вторая охватывала 70 глав и завершалась 1537 г. Третья редакция заканчивается рассказом о нашествии крымского хана Сахиб-Гирея в 1541 г. Лишь она сохранилась в рукописях [13, с. 66–67]. Опираясь на два оглавления, присутствующих не во всех списках памятника, А. А. Шахматов построил собственную концепцию истории текста Воскресенской летописи. Согласно наблюдениям ученого, заключительная часть памятника создавалась уже после завершения основного комплекса работ. В целом, с этими выводами можно согласиться. Однако хронологические границы дополнения нужно уточнить. А. А. Шахматов считал, что редакция 1533 г. «доходила до рассказа о поимании князя Юрия Дмитровского, т. е. до конца 1533 года». Однако 1533 г. не завершается арестом государева дяди. После этого известия помещены сообщения о падении звезд, о посольстве Ивана Челищева в Крым, Тимофея Заболоцкого в Литву, о прибытии посольства из Казани, о возвращении по-

сольства Тимофея Заболоцкого из Литвы и о строительстве деревянных укреплений на Софийской стороне в Новгороде [9, с. 286–287]. Не понятно, считал ли исследователь указанные известия частью редакции 1533 г. или нет. Кроме того, не ясно, почему ученый делает вывод о том, что глава 63 с известиями о смерти Василия III и аресте Юрия Дмитровского входила в первоначальную редакцию Воскресенской летописи. Данные первого оглавления, доведенного только до главы 62, свидетельствуют скорее об обратном. Основным аргумент А. А. Шахматова заключается в том, что «в третьем оглавлении между описанием первых 63 и последних 7 глав замечается значительное различие». Однако при ближайшем рассмотрении он не представляется убедительным. Единственное отличие структуры описания главы 63 от глав 64–70 состоит в том, что перед ней помещено указание на год (7042), как и перед главами 1–62. В последних семи разделах дата не обозначена. Наличие года перед характеристикой содержания главы может объясняться высоким значением описываемых в ней событий (смерть великого князя, смена власти). В то же время роспись содержания главы 63 отличается от глав 1–62 по форме. Главы 1–62 обширны, охватывают события сразу нескольких лет, а в ряде случаев – период целого великого княжения. Содержание каждой из них расписано с высокой степенью детализации. Особенно подробно охарактеризован состав глав 55–62, посвященных правлению Василия III. В качестве примера можно привести описание главы 62: «В лето 7038. Посылалъ князь великыи къ Казани воеводъ своихъ князя Ивана Феодоровича Бельского и иныхъ. О рожении великого князя Ивана. О Казаньскихъ послехъ о Табае князи. О совершении градовъ: Коломны каменна, а на Кошире древянь, а на Осетре камень, а Черниговъ градъ древянь. О присылке Ислама царя съ поля. Сослание съ Казани Сафа Кирея царя. О совершении церкви Вознесения Господня въ Коломенскомъ. О приходе Усеинове изъ Индеи съ грамотою. О рожении князя Юрья Ивановича. О изымании Шигъ Алея царя. О женитве князя Ондра Ивановича. О приходе Сафа Кирея царя на Резаньские места. О слитии болшого колокола» [8, с. 230]. В оглавление включены сведения, касающиеся семьи великого князя (о рождении царевичей и свадьбе Андрея Старицкого), известия посольского характера, военные походы и градостроительные мероприятия. Сравним приведенную выше роспись с описанием главы 63: «В лето 7042. О преставлении великого князя Василиа. О поимании князя Юриа Ивановича» [8, с. 230].

Таким образом, содержание главы 63 изложено придельно кратко. В частности, в росписи отсутствуют упоминания о дипломатических контактах с соседними странами и о градостроительной деятельности, хотя в самом тексте известия подобного характера читаются¹. Иными словами, описание главы 63 ближе к описаниям глав 64–70. В последних указаны сообщения о военных походах, придворных и церковных вопросах. Об известиях дипломатического характера в главах 64–70 ничего не сообщается, градостроительные же события освещаются только в тех случаях, когда речь идет о постройках в Москве. Показательно в этом плане выглядит глава 64, расписанная подробнее прочих: «О поставлении града земленого на Москве. И о побеге въ Литву князя Семена Бельского и Ивана Лятцкого. И о поимании князя Михаила Глинского. О приходе Литовьскихъ воеводъ ко Стародубу. И о сожъжении Радогоща» [8, с. 230]. Очевидно, человек, составлявший описания глав 1–62, и лицо, работавшее над характеристикой глав 64–70, имели различные представления о значимости тех или иных исторических событий. На основании вышеизложенных обстоятельств полагаем, что данные оглавлений свидетельствуют том, что первоначальная редакция Воскресенской летописи заканчивалась главой 62. Таким образом, ее текст доходил только до 7041 г. (включительно). Глава 63, начинающаяся рассказом о смерти Василия III, в нее не входила.

Для определения хронологических границ первоначальной редакции Воскресенской летописи данных оглавлений не достаточно. Необходимо выявить ее следы в памятниках русского летописания. Попытки обнаружения первоначальной Воскресенской летописи в других текстах предпринимались исследователями неоднократно. Однако до недавнего времени они оставались безуспешными. Ситуация изменилась после введения в научный оборот двух кратких летописцев, переписанных в кругу известного книжника М.Я. Медоварцева, помещенных в составе конволюта БАН, Арханг. Д. 193 (далее – М1) и в рукописи ГИМ, Син. 939 (далее – М2)². По бумаге оба манускрипта датиру-

¹ Как было отмечено выше, после известий о смерти Василия III, аресте Юрия Дмитровского и о знамении в звездах помещены статьи о посольствах в Крым, в Казань и в Литву, а также об ответных дипломатических миссиях. Завершается глава сообщением о постройке деревянного города в Новгороде на Софийской стороне [9, с. 287].

² О рукописях, вышедших из под пера М.Я. Медоварцева см.: [10, с. 286–317]. Публикацию летописцев см.: [11, с. 235–347].

ются 20–30-ми гг. XVI в. По мнению А.В. Сиренова, Воскресенская летопись послужила источником и М1, и М2. Исследователь считает, что наиболее ранняя ее редакция появилась до 1533 г. в промежутке между 1520 г. и 1531 г. [12, с. 124]. Для нас, однако, важно то обстоятельство, что в М2 текст Воскресенской летописи доходит до 1532 (7041) г. Далее должно следовать повествование за 1533 (7042) г., однако оно отсутствует. Следовательно, источником рассматриваемого летописца послужил текст Воскресенской летописи, доведенный до 1532 (7041) г. На основании вышеизложенных обстоятельств можно сделать вывод, что одна из ранних редакций Воскресенской летописи доходила до 7041 г.³ Известия о смерти Василия III и аресте Юрия Дмитровского в нее, скорее всего, не входили.

Второе и третье оглавления в совокупности с данными М2 позволяют сформулировать гипотезу о том, что сообщения за 7042–7049 (1533–1541) гг. представляют собой самостоятельную часть Воскресенской летописи, созданную после завершения основного текста. Полагаем, что этот летописный отрывок формировался не одновременно, а в несколько этапов. Из наблюдений А. А. Шахматова над третьим оглавлением следует, что тексты за 7042–7045 (1533–1537) гг. и за 7046–7049 (1538–1541) гг. создавались отдельно. Эти выводы подтверждаются самим характером летописных известий, представленных в составе указанных отрывков. Годовые статьи за 7042–7045 гг. отличаются высокой степенью детализации, охватывают обширный спектр вопросов, касающихся придворной борьбы, внешней политики, строительства городов, истории церкви. Годовые статьи за 7046–7048 гг. краткие и тематически однообразные. Под 7046 г. помещено единственное известие о смерти Елены Глинской. Под 7047 г. расположены статьи о казни Федора Мишурина, о смерти Василия Шуйского, о сведении Даниила с митрополии и о рукоположении Иоасафа Скрипицына в митрополиты. Статья 7048 г. посвящена приему икон, привезенных в Москву из Ржевы [9, с. 295]. Какая-либо интерпретация или оценка описываемых событий отсутствует. В частности, никак не комментируются причины казни Федора Мишурина. Сообщения дипломатического и военного характера отсутствуют вовсе. Исключение составляет пространная повесть «О приходе крымского царя Сафа Кирея на Русскую землю к Оке реке на берег», помещенная под 7049 г. [9, с. 295–301] Данное обстоятельство, однако, не опровергает нашего общего тезиса о тематическом однообразии заключительных статей Воскресенской летописи. Повесть о нашествии Сафа Кирея представляет собой самостоятельный памятник древнерусской книжности. Не исключено, что она была вставлена в текст после написания статей за 7046–7048 гг. Вместе с тем, в 7049 (1540/1541 гг.) произошло множество значимых исторических событий, которые не нашли никакого отражения в Воскресенской летописи⁴.

Текст за 7042–7045 гг. также не однороден. По своим стилистическим особенностям он может быть разделен на три части. К первой относятся известия за 7042–7043 гг. (главы 63–67), ко второй – статьи 7044 г. (главы 68–69), к третьей – повесть об аресте Андрея Старицкого под 7045 г. (глава 70). Сообщения за 7042–7043 гг. содержат достаточно подробное изложение исторических событий. Особое внимание в них уделяется военному противостоянию с Великим Княжеством Литовским, известному как Стародубская война. Подробно изложены события зимнего похода 1534 г. [9, с. 287–289], а также военные действия 1535 г. [9, с. 289–301] В тексте даже представлены росписи воевод по полкам [9, с. 288, 290]. Известия за 7044 г. в Воскресенской летописи краткие. Значительная их часть посвящена строительству городов⁵. Статьи о военных действиях на русско-литовской границе хотя и присутствуют, однако представляют собой не пространные рассказы, дополненные выписками из во-

³ В одной из своих работ А. В. Сиренов высказал предположение о том, что в М1 отразилась редакция Воскресенской летописи, предшествовавшая редакции 1533 г. [12, с. 125]. В более поздней статье исследователь повторил эту идею более осторожно [11, с. 272]. Вопрос о существовании более ранней редакции Воскресенской летописи выходит за рамки настоящего исследования, поскольку нас интересует лишь отрывок текста памятника с 1533 г. по 1541 г.

⁴ В «Летописце начала царства» под 7049 г. помещены известия о посольстве в Крым и об ответном посольстве крымского хана с заверением в дружественных намерениях, о поездке к Троице-Сергиеву монастырю, о посольствах из Астрахани и из Нагайской орды, о смерти княгини Анастасии (дочери царевича Петра и жены Федора Михайловича Мстиславского), об освобождении «из нягьства» князя Владимира Старицкого и его семьи, о посольстве от виленского епископа Павла, о прощении Семена Бельского по печалованию митрополита Иоасафа и др. [7, с. 37–40].

⁵ Под 7044 г. помещены известия о строительстве городов в Мещере на реке Мокше, Заволочья, Буя на Кореге, а также постройке деревянных укреплений в Устюге, земляного города на Балахне, восстановлении Ярославля после пожара [9, с. 291].

еводских разрядов (как в тексте за 7042–7043 гг.), а краткие сообщения, фиксирующие лишь сам факт похода и его результаты без какого-либо углубления в детали⁶. Между известиями за 7042–7043 гг. и за 7044 г. есть еще одно довольно значимое различие. Под 7042–7043 гг. в сообщениях о принятии тех или иных политических решений рядом с именем великого князя присутствует имя великой княгини (исключение составляют лишь статьи дипломатического содержания, в которых упоминание о Елене Глинской по каким-то причинам не читается). Подобные упоминания матери государя в качестве правительницы, равной по статусу Ивану IV, А. Л. Юрганов предложил именовать «формулой регентства» [14, с. 102], а М.М. Кром считает предпочтительным понятие «формула соправительства» [4, с. 121]. В статьях за 7044 г. формула регентства/соправительства не применяется. Обособленно стоит повесть об аресте Андрея Старицкого. Она является не просто обширным известием, а самостоятельным и концептуально завершенным памятником русской публицистики, цель которого – оправдать решение о заключении удельного князя в темницу.

Таким образом, текст летописного отрывка за 7042–7049 (1533–1541) гг. состоит, по крайней мере, из трех частей, отличающихся стилистически. Первая часть охватывает известия за 7042–7043 гг. Вторая часть включает в себя события 7044 г. Наконец, в третьей части помещены краткие заметки за 7046–7048 гг., сосредоточенные исключительно на событиях внутри Московского Кремля. Обособленно стоят известия 7045 г. (об аресте Андрея Старицкого) и 7049 г. (о походе Сафа Кирея на Москву). Оба текста являются самостоятельными памятниками русской литературы. Достоверно не известно, создавались ли они специально для внесения в летописи или первоначально имели самостоятельную рукописную традицию. По крайней мере, наличие двух указанных повестей вовсе не опровергает основной тезис о том, что каждая следующая часть Воскресенской летописи становилась с фактологической точки зрения беднее предыдущей. Стилистические расхождения, а также различия в самих принципах отбора и изложения исторического материала свидетельствуют о том, что части отрывка за 7042–7049 гг. создавались в разное время и, возможно, разными людьми. Ниже мы сформулируем некоторые суждения относительно времени составления каждого отрывка. Однако прежде попытаемся ответить на вопрос о том, в каком кругу создавался текст за 7042–7049 гг.

Впервые к проблеме авторства Воскресенской летописи обратился В.С. Иконников, который связывал создание памятника с фигурой митрополита Иоасафа [2, с. 1187, примеч. 5]. Другая точка зрения была сформулирована С. А. Левиной. Рассматривая заключительную часть Воскресенской летописи, исследовательница отметила, что в тексте даются положительные оценки представителям семейства Шуйских. В частности, история ареста князя Юрия Дмитровского изложена в Воскресенской летописи следующим образом: князь Юрий послал к Андрею Шуйскому своего дьяка Третьяка Тишкова с предложением перейти к нему на службу. Андрей уклонился от ответа и рассказал о произошедшем князю Борису Ивановичу Горбатову. Последний передал информацию боярам, а те – великой княгини. Юрий был посажен под стражу. Сведения о дальнейшей судьбе Андрея Шуйского в Воскресенской летописи отсутствуют [9, с. 286]. На этом основании исследовательница пришла к выводу, что редакция 1541 г. была составлена сторонником Шуйских [6, с. 379]. С осторожностью высказался о составителе заключительной части Воскресенской летописи Б. М. Клосс, отметив, что в ней отражена правительственная оценка современных событий, а героем заключительного повествования об отражении набега Сафа-Кирея выставлен митрополит Иоасаф [3, с. 4]. Несмотря на разницу в выводах, исследователи применяют для определения авторства Воскресенской летописи одинаковую методику. В своих атрибуциях они опираются на комплементарные оценки, которые даются в тексте тем или иным лицам. Представляется, что подобный подход не вполне корректен. Во-первых, упоминание того или иного лица в комплементарном контексте нельзя рассматривать как свидетельство принадлежности летописца к его

⁶ Всего под 7044 г. помещено два сообщения о военных столкновениях. Первое касается нашествия казанских татар: «Тоя же зимы, генваря 6, приходили татарове казанские къ Нижнему Новугороду и на Балахну, и посадъ пожгли и беглыхъ людей на Волзе много посекали; и князь великий послать изъ Мурома князя Феодора Михайловича Мстиславского и иныхъ вьеводъ съ людьми, и Татарове Казанские и прочь пошли» [9, с. 291]. Второе сообщение касается прихода литовских войск на Себеж: «Того же месяца февраля 27 приходили подъ городъ подъ Себежъ литовские вьеводы Андреи Немировъ, съ многими людьми и съ великимъ нарядомъ, съ пушечнымъ и съ пищальнимъ, и къ граду крепко приступаша, и Божию милостию граду не учиниша ничтоже, но своими же пушками своихъ же людей побиваху; а въ то время изъ града выидоша на нихъ великого князя люди, и многихъ людей Литовскихъ побиша, и знамена и варганы у нихъ поимаху; они же съ великимъ срамомъ отъ града отъидоша въсьояси» [9, с. 291].

окружению. Во-вторых, как было отмечено выше, не вполне корректно переносить оценки, встречающиеся в одном или нескольких известиях на весь текст Воскресенской летописи. Даже заключительная часть памятника состоит из трех частей, отличающихся друг от друга концептуально. У каждой из них мог быть свой автор. Поэтому мы не ставим перед собой цели установления авторства того или иного отрывка. Ниже мы попытаемся определить, в интересах какого круга лиц выполнен каждый из трех фрагментов заключительной части Воскресенской летописи.

Получить представление о том, чьи политические позиции отражают статьи за 7042–7043 гг., позволяет рассказ о смерти Василия III. Прежде всего, в нем обозначен политический статус Елены Глинской: «А приказывает великую княгиню и дети своя отцу своему Данилу митрополиту; а великой княгине приказывает под сыномъ своимъ государство дръжати до возмужения сына своего» [9, с. 285]. Таким образом, в тексте зафиксирован институт регентства. Обязанности бояр Василий III, согласно Воскресенской летописи, определяет следующим образом: «Вы же боаре мои, съ вами Рускую землю держахъ, и васъ в чти дръжахъ, и дети ваша жаловахъ, и въ всехъ странахъ славень быхъ, и ркли есте и правду дали служити мне и детемъ моимъ, обяжите себе слово свое на вые своеи, укрепитеся истинною; приказываю вамъ княгиню и дети своя, послужите княгине моеи и сыну моему великому князю Ивану, и поберегите подъ нимъ его государства Руския земли и всего христианства отъ всехъ его недруговъ, отъ бесерменства и отъ Латынства и отъ своихъ силныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ, все заединь, сколко вамъ Богъ поможетъ» [9, с. 285]. Под боярами, подразумевается, вероятно, боярская дума. В летописном отрывке за 7042–7049 гг. предельно ясно обозначены основы государственного устройства, сформированного после кончины великого князя. Управление страной базируется на трех столпах: 1) власти великого князя, при котором до совершеннолетия является регентом великая княгиня-мать, 2) поддержке боярской думы и 3) церкви в лице митрополита Даниила. При этом в тексте отсутствуют какие-либо упоминания о роли удельных князей в государственных делах. Великий князь, по версии Воскресенской летописи, не дает каких-либо распоряжений, касающихся их обязанностей. Лишь после его смерти сообщается о том, что Юрий и Андрей целовали крест великой княгине, причем были приведены к крестоцелованию после бояр. Таким образом, в Воскресенской летописи удельные князья были выведены за пределы государственного порядка. Более того, удельные князья представлены в заключительной части Воскресенской летописи даже не как внесударственная, а как антигосударственная сила. Согласно тексту рассматриваемого памятника, Юрий Дмитровский, воспользовавшись мнимым ослаблением государственной власти, попытался переманить на свою сторону одного государева вельможу Андрея Шуйского. Андрей Старицкий пошел еще дальше и, по версии Воскресенской летописи, замыслил мятеж. Подобный антиудельный взгляд на исторические события проходит через весь текст заключительной части Воскресенской летописи. На этом основании можно предположить, что отрывок за 7042–7049 гг. создавался в интересах определенного круга лиц. Его направленность против удельных князей соответствовала интересам московских властей и, в частности, боярской думы. В случае прихода к власти Андрея Старицкого или Юрия Дмитровского позиции московской аристократии могли пошатнуться. Удельные князья представляли прямую угрозу для Елены Глинской и великого князя Ивана IV. В политическом плане московский двор не представлял собой единого монолита. Он был разделен на несколько «партий», терзаемых разногласиями⁷. Однако в от-

⁷ Перед смертью Василия III боярами были 12 человек: дядя великой княгини М. Л. Глинский, дальний родственник государя Д. Ф. Бельский, суздальские княжата (И. В. и В. В. Шуйские, М. В. и Б. И. Горбатые, А. А. Хохолов-Ростовский), представители старомосковского боярства (В. Г. и И. Г. Морозовы, М. С. Воронцов, М. В. Тучков, М. Ю. Захарьин) [1, С. 226]. К январю 1534 г. боярином стал И. Ф. Тепнев-Оболенский, а к июлю боярства был удостоен муж сестры Елены Глинской И. Д. Пенков [1, С. 227]. Таким образом, было произведено укрепление партии Глинских. В дальнейшем среди бояр началась борьба. В 1534 г. в Литву бежали С.Ф. Бельский и И. В. Ляцкий. После этого их советники И. Ф. Бельский и И. М. Воротынский были арестованы. В августе в опалу попал М. Л. Глинский. По версии Воскресенской летописи он «давал великому князю Василью зелие пити въ его болезни, и великого князя въ той болезни съ того зелиа и не стало» [9, с. 287]. «Партия» суздальских княжат выиграла от перестановок в боярской думе. Глинские были существенно ослаблены. Однако едва ли аресты соответствовали исключительно интересам Шуйских. Дело в том, что после смерти Василия III назревали предпосылки для начала войны с Великим Княжеством Литовским. Действия властей были направлены против лиц, которые могли рассматриваться как потенциальная «пятая колонна». Опале подверглись родственники государственных изменников, что же касается М. Л. Глинского, то в Москве его рассматривали как человека чужого и, возможно, сохранившего связи с Литвой. В Повести о смерти Василия III умирающему государю приписываются следующие

ношении удельных князей между этими группами знати существовал определенный консенсус. Таким образом, текст за 7042–7043 гг. создавался в московских придворных кругах, отражая политические интересы великой княгини Елены Глинской и боярской думы. Главным антагонистом в отрывке представлены удельные князья, которые являются основной антигосударственной силой. Этой же концепции следует и повесть об аресте Андрея Старицкого.

Не столь однозначной выглядит ситуация с текстом за 7044 г. В статьях, помещенных под этой датой, отсутствует формула регентства/соправительства. Возникает вопрос: мог ли летописец исключить из текста упоминания о Елене Глинской при ее жизни? В некоторых летописях формула регентства отсутствует вовсе⁸. Однако в памятниках московского официального летописания формулировка, фиксирующая совместную власть великого князя и великой княгини, употребляется систематически. В частности, в «Летописце начала царства» формула регентства применяется начиная с 1533 г. и вплоть до смерти Елены Глинской. Еще чаще великая княгиня упоминается в Царственной книге. Впрочем, указанные примеры не являются достаточно показательными, поскольку и «Летописец начала царства», и Царственная книга были созданы спустя десятилетия после правления Елены Глинской в совершенно ином историческом контексте. Куда важнее то обстоятельство, что сама великая княгиня весьма трепетно относилась к своему положению регента [4, с. 127]. Стремясь максимально расширить свои возможности и полномочия, она едва ли допустила бы подобные нарушения в официальной летописи. На этом основании можно предположить, что текст за 7044 г. создавался уже после кончины государыни.

Наконец, известия за 7046–7049 гг. содержат негативные характеристики клана Шуйских. Под 7047 г. их деятельность описана следующим образом: «Бысть вражда межъ бояр князя Василя да князя Ивана Васильевичевъ Шуискихъ съ княземъ съ Иваномъ съ Федоровичемъ Белскимъ, и въ тои ихъ брани повелеша Шуиские и иные бояре убити великого князя диака Феодора Мишурина» [9, с. 295]. Здесь Шуйские обвиняются в самоуправстве. Данная часть текста возникла в годы, когда митрополю возглавлял Иоасаф, а лидером боярской думы был Иван Бельский (1539–1541 гг.). Именно в этот период были возможны выпады летописца в адрес Шуйских, которые временно оказались отстранены от власти.

Итак, заключительная часть Воскресенской летописи отражает позицию московской правящей элиты. Концепция летописного текста меняется дважды в связи с перестановками, происходившими при дворе в 30-е гг. XVI в. Таким образом, в своем распоряжении исследователи имеют не просто один из текстов, описывающие политические процессы второй четверти XVI в., а памятник, сформировавшийся под непосредственным влиянием этих процессов, ставший их прямым результатом. В этом заключается особая ценность данного произведения как исторического источника. Примечательно, что три фрагмента, из которых состоит заключительная часть Воскресенской летописи, непропорциональны по объему представленного в них материала. Как было отмечено выше, события за 7042–7043 гг. изложены в ней достаточно подробно. Известия за 7044 г. описаны более кратко. Наконец, сообщения за 7046–7049 гг. представляют собой лапидарные и локальные заметки. Иными словами, текст постепенно деградирует, становится неинформативным и сжатым. На 7049 г. повествование обрывается. На долгое время останавливаются и летописные работы в Москве. Все это позволяет говорить о том, что в официальном летописании наступил кризис, который продолжался до середины 50-х гг. XVI в., когда был создан «Летописец начала царства». Полагаем, что возникновение этого кризиса органично вписывается в исторический контекст 30–40-х гг. XVI в. и связано с общей деградацией центральной власти. Выше мы отметили, что текст за 7042–7043 гг. был создан еще в годы правления Елены Глинской. Являясь регентом, княгиня регулировала придворные разногласия, выступая арбитром в спорах, возникающих при дворе⁹. С ее смертью исчез институт, определяющий

слова: «Михаило Лвович Глинской человек, к нам приезжцей, и вы б того не молвили, что он приезжцей, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга» [9, с. 21].

⁸ В частности, в Вологодско-Пермской летописи Елена Глинская упоминается как соправительница при своем сыне лишь в известии об аресте Андрея Старицкого. В Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского упоминания Елены Глинской как регента не носят систематического характера.

⁹ М.М. Кром пишет по этому поводу: «Однако существовала еще одна важная сфера, в которой власть великой княгини была полной и ничем даже формально не ограниченной, а именно – контроль над придворной элитой. Думается, именно эта функция была основной в деятельности Елены в 1534–1538 гг. Как уже говорилось выше,

генеральную линию действий московских властей. Это не могло не сказаться на развитии русского летописания, поскольку некому было санкционировать тот или иной подход к изложению исторического материала. Результатом стало постепенное затухание и временное прекращение летописных работ. Дело даже не в том, что при дворе не было книжников, которые бы обладали достаточной квалификацией для написания пространных текстов (наличие в Воскресенской летописи обширных сообщений об аресте Андрея Старицкого и о походе Сафа Кирея на Москву свидетельствует как раз об обратном). Представляется, что в условиях, когда государственная власть перешла в руки боярских кланов, находящихся в непрерывной борьбе и периодически оттесняющих друг друга, вести официальные летописи стало не только опасно, но и крайне затруднительно. Слишком велика была вероятность, что с приходом к власти противоположной «партии» пришлось бы переписывать изложение событий последних лет. После смерти Елены Глинской боярство так и не смогло сформировать институты, которые бы вели работу над официальной версией исторических событий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 511 с.
2. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2. Киев: Типография императорского университета св. Владимира В. Завадского, 1908. 1062 с.
3. *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. С. [2–4].
4. *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. СПб.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
5. *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год. Вып. 1 (34). Л.: Издательство АН СССР, 1927. С. 55–90.
6. *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. С. 375–379.
7. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. 391 с.
8. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. СПб.: Языки русской культуры, 1856. 347 с.
9. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: Языки русской культуры, 1859. 312 с.
10. *Синицына Н. В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1972. С. 286–317.
11. *Сиренов А. В.* Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб: Альянс-Архео, 2015. С. 235–347.
12. *Сиренов А. В.* О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей (Вып. 7: Историческое повествование в Средневековой России: к 450-летию Степенной книги: Материалы всероссийской научной конференции). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 113–125.
13. *Шахматов А. А.* Обзор летописных сводов Руси Северо-восточной И.А. Тихомирова // Отдельный оттиск из отчета о XL присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. 134 с.
14. *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 19 с.

Поступила в редакцию 21.10.2022

Жуков Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник НИОР БАН
ФГБОУН «Библиотека Российской Академии наук»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Биржевая лин., д. 1
E-mail: artemnovgor@inbox.ru

A.E. Zhukov

ON THE HISTORY OF THE FINAL PART OF THE VOSKRESENSKAIA CHRONICLE (1533–1541)

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-160-168

придворная среда, расколота местническими противоречиями, нуждалась в верховном арбитре. Эту роль и взяла на себя великая княгиня» [4, с. 136].

The article examines the final part of the Voskresenskaia Chronicle, containing news for 7042–7049 (1533–1541). It is one of the main sources about the history of Russia in the 30-s of the XVI century. The Voskresenskaia Chronicle is important for the study of the reign of Elena Glinskaya and the subsequent boyar rule. It has repeatedly become a subject of the examination. Researchers have studied individual news presented in the chronological period under consideration, however, attempts to study the text for 1533-1541 haven't been undertaken. The textual study of the concluding part of the Voskresenskaia Chronicle and its comparison with other monuments of Russian annals allowed the author to illuminate the history of the fragment under consideration in a new way and formulate prospects for further studying the concluding part of the Voskresenskaia Chronicle. First of all, the fragment for 1533-1541, starting with the news of the death of Vasily III, was formed separately from the main text of the Voskresenskaia Chronicle. In addition, the narrative was created in several stages. Different people could work on the text at different times. In conclusion, the author formulates a number of judgments about the authorship of the text for 1533-1541. The final part of the Voskresenskaia Chronicle is an official chronicle of the 30-s of the XVI century. Different people belonging to the Moscow elite circles could have participated in its creation. However, only one institution could ensure the continuity of work on the creation of chronicles. This institution, according to the author, was the strong state power.

Keywords: Voskresenskaya Chronicle, boyar rule, Elena Glinskaya, Chronicle of the beginning of the kingdom, chronicle tradition, domain princes, regency, aristocracy, historiography.

REFERENCES

1. *Zimin A. A.* Reformy Ivana Groznogo [The reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1960, 511 s. (in Russian)
2. *Ikonnikov V. S.* Opyt russkoj istoriografii [The experience about the Russian historiography]. Т. II. Kn. 2. Kiev, Tipografiya imperatorskogo universiteta sv. Vladimira V. Zavadskogo, 1908, 1062 s. (in Russian)
3. *Kloss B. M.* Predislovie k izdaniyu 2000 g. [The preface to the edition of 2000] // PSRL. Т. 7: Letopis' po Voskresenskomu spisku [PSRL. Т. 7: The Chronicle of the Voskresenskiy list]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2001, p. [2–4].
4. *Krom M. M.* «Vdovstvuyushchee carstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka [“The Dowager Kingdom”: the political crisis in Russia in the 30-40s of the 16th century]. SPb, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 888 p.
5. *Lavrov N. F.* Zametki o Nikonovskoj letopisi [Notes on the Nikon chronicle] // Letopis' zanyatij postoyannoj istoriko-arheograficheskoy komissii za 1926 god [Chronicle of the studies of the permanent historical and archeographic commission for 1926]. Vyp. 1 (34). Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1927. P. 55–90.
6. *Levina S. A.* O vremeni sostavljeniya i sostavitеле Voskresenskoj letopisi XVI veka [On the time of compilation and compiler of the Resurrection Chronicle of the 16th century] // TODRL. Т. 11. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, p. 375–379.
7. Letopisec nachala carstva carya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [chronicler of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky chronicle. Lebedev Chronicle] // PSRL. Т. 29. Moscow, Nauka, 1965, 391 p.
8. Letopis' po Voskresenskomu spisku [The Chronicle of the Voskresenskiy list] // PSRL. Т. 7. SPb., Yazyki russkoj kul'tury, 1856, 347 p.
9. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [The Continuation of the Chronicle of the Voskresenskiy list] // PSRL. Т. 8. SPb., Yazyki russkoj kul'tury, 1859, 312 p.
10. *Sinicyna N. V.* Knizhnyj master Mihail Medovartsev [Bookmaster Mikhail Medovartsev] // Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga [Ancient Russian Art. Handwritten book]. M., 1972. S. 286–317.
11. *Sirenov A. V.* Letopisey v rukopisyah Mihaila Medovartseva [Chroniclers in the manuscripts of Mikhail Medovartsev] // Letopisi i hroniki. Novye issledovaniya [Annals and Chronicles. New researches]. 2013–2014. Moscow, SPb., Al'yans-Arheo, 2015, p. 235–347.
12. *Sirenov A. V.* O vremeni sozdaniya Voskresenskoj letopisi [On the time of the creation of the Voskresenskaia Chronicle] // Istoriografiya i istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sb. Nauch. Statej (Vyp. 7: Istoricheskoe povestvovanie v Srednevekovoj Rossii: k 450-letiyu Stepennoj knigi: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii) [Historiography and source study of national history: coll. Scientific articles (Issue 7: Historical Narrative in Medieval Russia: On the 450th Anniversary of the Book of Degrees: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference)]. Moscow, SPb., Al'yans-Arheo, 2014, p. 113–125.
13. *Shahmatov A. A.* Obozrenie letopisnyh svodov Rusi Severo-vostochnoj I.A. Tihomirova [Review of chronicles of Rus' North-Eastern I.A. Tikhomirova] // Otdel'nyj ottisk iz otcheta o XL prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova [A separate print from the report on the XL awarding of awards to Count Uvarov]. SPb., 1899, 134 p.

14. *Yurganov A. L.* Politicheskaya bor'ba v gody pravleniya Eleny Glinskoj (1533–1538 gg): Avtoref. Dis. ... kand. Ist. Nauk [Political struggle during the reign of Elena Glinskaya (1533–1538): Abstract of the thesis. Diss. ... cand. Ist. Sciences]. Moscow, 1987, 19 p.

Received 21.10.2022

Zhukov A.E., Candidate of History, Researcher, Manuscript Department
Library of the Russian Academy of Science
Birzevaia line, 1, Saint-Petersburg, Russia, 199034
E-mail: artemnovgor@inbox.ru